

92. 627

оп. 2

89. 68

Ремисов, Алексей Михайлович

" 13 пленку " - стихотворение

44

46 ст. в. из кат. 4 в. лист.

1896-1903.

ст. № 29 - пропуск
для публикации.

ВЪ ПЛЪНУ.

It is not, nor it cannot come to good;—
But break my heart, for I must hold my tongue!

Hamlet.

Венера.
Ж. Жуковский 26
Александръ Ремизовъ Р.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Въплъху.

I.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Выгна башня!

Башню строили долго, высокую, башню.

Узкія окна огулись гасюй и крѣпкой рѣшеткой.

Стекла - глаза мертвецовъ - туманно и мрачно взглянули.

И скучная, спрѣя жизнь тѣплась въ каменномъ тѣлѣ.

Только душа одна безпокойная, ненасытная тайно горѣла.

Размѣгались толстыя стѣны, плѣсень гнила, разсыпалась известь.

Штукатурка растрескалась, - зѣлютъ глубокія, гермыя раны.....

И люди душной, безсвѣтной башни огунились.

Дрогнули стѣны, закапались, рассыпались.

Шумѣтъ покія брызги извести, несетѣ погребальная пыль.

На свободу строители!

Темны слагаютъ свободу!

Но тѣда, гдѣ башня стояла, погнулись обозы, нагруженные верзъ кирпичами и камнями.

И новая башня сверкнула на солнце, высокая, бѣлая.

Мертвыя окна глубже гермятъ, толмѣтъ.

Душа, какъ время, подтагиваетъ бѣлое тѣло.

Выгна, выгна башня!

1. Снова, как много лет назад, я живу в моем полуразвалившемся фениксе; старые бревенчатые стены еще больше покосились и потемнели; торчат дыры, гниль, кое-где и красный мох.

Незамытно пробуждаются осенние сумерки.

За стеной укладываются спать, старуха ворчит, и ее ворчанье, непонятное мне, становится все тише и тише, словно говорит иззякнущей, утомившейся капле.

Я сижу у окна, смотрю на реку, на ее нежную, малиновую и голубую кожу, переливающуюся, точно у какой-то огромной, ленивой змеи.

Если своими крестами прыгнет под самые облака, под этот разноцветный балдахин, трепетный и сокровенный.

А там, где золотые плиты устилают небо, и красные, изогнутые перилы тонут в каком-то дыре огня и пламени, лежат степь молчаливая и древняя, как поле после дождя бытв.

И так хорошо!...

И гудит, что где-то там, за небом и землей, вступаются два разлученных существа, прекрасных, легких, они разказывают о вечном, а между взором человека пролетают и это небо и земля...

Люблю я пробуждение зреть и осени нежданную улыбку. Как хочется тогда поверить, что никогда уже вновь не упадут тяжелые снега, что воздух не будет герствым, не будет фишным, и с хохотом не взглянет утренний разсвет на преемлене....

Но грязные, усталые дороги и мокрые деревья сжимаются и холодают.

С последней искрой тамления солнца опять идет мороз.

Уж галок и ворон не слышны крики, не падают листья.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Ночь темная приходишь, тушишь звезды, и на кладбище звенят
впьюки.

И, кажется, выходит смерть сама, туманная и олинная, как
Тыни, и серп несет в руках для жатвы нищей, безцельной на-
шей жизни...

Совсем тихо, будто один я остался на цыломь свету.

Окно застлало зерный и сырой тумань.

Вптерь полетом по стене.

Кто-то постукивает в дверь: стукнет и ждець.

Вптерь ударился зрчим о лась и завиль...

Шеперь он сидит за-нибудь туль, пошь окномь, сторожить,
напываеть.

И в пьсьнь его фромью обжила то, что было козга-то, что
шепали ему мои губы, засыхая в неволь...

2. Звонит Тюремный колокол, острым ножом ударяя о сердце.

Вздрогнул сухо, как тупое орудие, тайной замкомь.

Мороплюсь одеться...

Совсем еще ночь; тюрьма в желтых, сонных огнях;

Тусклые, забытые фонари, трищурившись, слюда за мной.

Ложу по кругу безостановочно, не дымая.

Я не могу проснуться.

И, кажется, что должен я идти куда-то и вьжно так и тти...

Бльдно-опованным сумерки непробудно лежат на окны и стп-
нахь.

Сны ли падают, солнце ль болное блещетъ?

Открывают форточку двери.

Тихо в тюрьме, точно тюрьма перед казнью.

Откуда-то из глубины, из подвешелья идут невнятные слова

молитвы.

Измученных лица глядят из оконъ.

Невытнныя слова молитвы угасаютъ....

Въперъ зацтался въ рѣшеткѣ.

Гдѣ-то глухо стучатъ машины.

Огромный звѣрь проснулся, — нѣтъ свѣта, нѣтъ воздуха и тепло, всю грядь, все тѣло фаватъ стѣны, — проснулся звѣрь.

Онъ шепчетъ, гдѣ-то близко яркій свѣтъ играетъ, онъ шепчетъ, гдѣ-то радомъ жизнь растетъ, и онъ кричитъ, но голоса его никто не слышитъ.

Смѣсь и страданъ, звачаютъ блестящія кандалы; ихъ смѣхъ, замрзая, ихъ стѣны, затихая, снова, снова звучитъ...

А тамъ, въ моемъ сердцѣ, подымаются страшныя бури, бушуютъ, звучатъ жизни...

3. Камера грязная, болыная, какъ нищадъ на паперти въ праздникъ.

Шагъ слѣдъ на свободу.

Съ сыростью и испареніями навизгающей стѣны прославается пѣсня ко льду.

И летятъ, высоко уносятся звуки.

Они пробиваютъ крышу, сливаются съ бѣлыми тучами и слѣзутъ къ гермоу краю небесъ, гдѣ шепчетъ цѣнь весна, гдѣ рождаются запахи цвѣтовъ и листьевъ.

Кто-то окрикнеть.

Пѣсня, какъ сердце, прижалась къ звуку.

Монотонно позвѣкивая шашками и стуча сапогами, ходятъ по корридорѣ гасовые, какъ тюремные дни, монотонно позвѣкивая шашками и стуча сапогами....

Луги, золотые луги, слетают ко мне!

Это не грёза, не сон, они на Лицъ дрожатъ у меня.

Вы аѳрида, со свѣта пришли, вы ласкали пофеняжника, вы горели на храмахъ, вы слёзы сѣшили, — согрейте меня!

Люди съ любовью разлучаютъ, люди казнятъ, вы же на небо рождаетесь, вы раны врачуете и въ стали сверкаете, — согрейте меня!..

Долго, прижавшись лицомъ къ рѣшеткѣ, гляжу на небо, на радость весенней лазури.

И хмурая, суровая Тюрьма шумитъ.

И оно щелкаетъ замки; договариваютъ, угрожаютъ, драхнутъ часовые.

4. Весь мой столъ въ гѣлицѣхъ, тузъ и пиковые, и розовые, и синіе, и бѣлые.

За окномъ послѣдніе дни створаго снега; зима, разставался, плачетъ тяжёлыми слезами; я слышу, какъ стучатъ они о крышу, вижу, какъ горятъ на рѣшеткѣ.

Воскресшие луги жарко разливаются по влажнымъ цветамъ.

Позеленѣли листья; лепестки размяклись, расплывались, жгутъ — о новой жизни мечтаютъ!

Но ваъ луги потемнѣли и скудно побрели вълыми перепуганными пнями по камеръ — окно закрасили бѣлой краской.

Лепестки, изнемогая отъ ужаса, прижались другъ къ другу.

Изогнувшіеся стебли дремлютъ, безнадёжные; листья пылятся.

И когда въ ерва тпощемса ароматъ меня потучалася молчаливая молва аѳтеи, и э такъ хотѣл свѣд, гвѣ-то рука желвазнымъ щитомъ закрыла солнце.

Ламповое пламя равнодушно освѣтило своими пасмурнымъ свѣтомъ растенія.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Теперь обожженные голодом листья упали, гниют и гниют,
и стол мой, словно могила весной, в осенних вмятках.

Тяго-то близко, ты и тюремных стень, распускается первая
робка, травка...

И я не могу закричать..

И зреть, как эти цветы, цмирают и блекнут.

Полночь во сне еще снится, души, обманно лелю, трево-
жа, как желанье без завтра, как несобитогный отрывок в
круге навязчивых шумов, как свить флэ ослепшего.

Я не знаю, живу или нить?

Цельный день все ползет от окна по стене безмолвная,
справа зарь, касается глаз, развывает...

Если бы громы мить наводили, если бы пожары заж-
глись!

Но во мою тишину ворвались гробы ржи, слова безсвяз-
ных, блфных.

И не могу я закричать...

5. Полночь, все камеры заперты.

Ожидание томительное, как переа приговором.

Изрыпка вырвется слово, смех и сразу уйдет, куда-то заво-
ет.

Из конца в конец одиноко и глухо проходить тасо-
вые, одиноко и глухо...

Звонь!

Звонь тастый-тасты!

Надсаживая гроб, кто-то закашлял,

По корридорч ищеть, топчеться, звенеть, кого-то несут,

Что-то толкают.

Тюрьменный колокол, захлебывался, дьеть, дьеть, дьеть.

Тулъ и звонъ везетъ и зѣтсов, и Тамъ, и близко, и далеко, гулъ и звонъ...

Воскресъ Христосъ!

И страшный вздохъ, тяжелый стонъ бьются по стенамъ, по потолку и что-то въ глубинѣ тюрьмы вѣрещъ раскаеъ камни, взрываетъ Тьму осколковъ острыхъ, жгучихъ и сыплеть на глаза, вонзаясь въ сердце.

Душа фрежитъ, и крикъ ея глущаетъ высоты стѣнокъ, и ваетъ голосъ блѣдный, разцвѣтшій въ дыханіи страданья.

Воскресъ Христосъ!

Изъ глубины желѣзныхъ рамъ взоръ ясный свѣтитъ, и легкіе шаги скользятъ...

Развѣтъ воскресный, ярко-золотой, должно быть, Тамъ.

Къ обѣднѣ перезваниваютъ далеко за Тюремой.

Развѣтъ замучившійся, больной.

Не спитъ тюрьма, Тюрема молчитъ.

Безцѣльно хожу взадъ и впередъ.

Холодно, темно, а Тамъ на свободу все въ зелени; по ногамъ долетаютъ крики неугомонной жизни.

Но жизни я не вижу и кажется, что солнце выжгло человеческого рода, и только я спасся въ Тюрему.

Безцѣльно хожу взадъ и впередъ.

Задыхаюсь отъ оскорбленій; негодования Тьмы на меня.

Неукротимая злоба проснулась...

д стѣны эти и люди стоятъ передо мной, стоятъ и не чю-

чатъ.

Музыка бьетъ въ окно, гдѣ-то близко проходить солдаты.

Долго гляжу въ мертвыя стекла.

И отъ горячихъ желаній стучать мои зубы, и такъ хотѣ я
разбить все, что меня окружаетъ...

Ужъ зарево пылаетъ во всякъхъ концахъ земли, огонь обжигъ
и лижетъ тюрьмы; я слышу, какъ стѣны содрогнулись.

Высоко на обгорѣлыхъ виселицахъ люди умираютъ; ка-
таются обезображенные трупы...

Огонь заливаеъ глаза.

И вся душа переполнена криками, переполнена криками.

Безцѣльно хожу взадъ и впередъ.

Находятъ тѣши; тюрьма закрыта вѣщи Тюрьмо.

Бцдто метель воеетъ, и близко туча подъ окномъ падаетъ
снѣга...

Этo сгорѣнныя души, это раскаленное Терпѣнїе, это
онъ вырвались, обступили Тюрьму и ползались, какъ океаны,
какъ полчища дикихъ, все разрушая за неволю, за долгїи
плѣнь.

Одиноко зазвонили къ вечернѣ; въ туманахъ крови проби-
раются звуки по вѣзкамъ Тлалми; одиноко свѣтятся звуки.

Трoма прокатился.

Что-то разбилось, кричитъ, угрожаетъ, что-то зоветъ и хрипитъ,
какъ ярость въ цѣпяхъ...

Безцѣльно хожу взадъ и впередъ.

7. Тюремные часы чныло бьютъ.

Ночь надвигается.

Отъ лампы на полу и на стѣнахъ дремлютъ неподвижныя
Тѣни.

Умираетъ муха...

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Утром застыла в камере и цырилась.

Эти ланки суровожно вытлгиваются, все тльце прижимается кь стьню, а расплывчатое пьтно тьни - ея посльдней спутьницы - плывеъ орожа.

Все еще вспоминаетъ она:

желтцн, пыльницю кашеру, когда плывеъ солнце живое, горькое, бцдо и въ ясный день замороженныя стекла окна;

скучныя, вьлькы макрицъ по угламъ, гдъ зеленеть стьрцми свьрость;

вьгно сонныя таракановъ на панели стьня;

олинныя, поврцжныя прусаковъ - безпокойношныя жуцую стьражу;

лпмивыя, налитыя кровью клоповъ;

Тонкые, стрые хвостики пцгливыя мышей;

Зубы рыжей огромной крысы страшной и гладкой;

глаза заключеннаго;

гуль, стьня, пьсно, звань кандаловъ....

д Тамъ земля, небо...

Ц лица цыерл.

Продолговатая тьня сццтилаев и застыла.

Застыло и время, застыли шорохи, тоно жизни больше не стало.

8. Глубокою ногою, задыхалсь оъ негодовантѣ, э сццль ц окна,

Казалось, выхоило оно въ беззонную пропасть.

Нарождались и цырнали зьцки неясныя, гего-то ождающѣ.

Тдп-то навзрыцъ плакаль ребенокъ.

Э металсь оъ ужаса и тоски глубокой ноги, и сьрце мое разрывалось, и жизнь его проходила надъ пцгинами.

Безццшно раскралсь дверь, вошелъ старикъ высокй, ольбий.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

- Я пришел убить Тебя! сказал он, и изъ руки его скользнула
ножъ и, тихо звякнувъ, упала къ ногамъ ногамъ.

Старикъ исчезъ.

Я прижималъ къ сердцу холодный ножъ, и становился
онъ горячимъ, яркимъ, и роса слезъ горла на немъ, и каж-
дая росинка шептала о мести.

И я ждалъ разсвѣта.

Нарождались и умирала звуки нежные, теплое оживляю-
щия.

И я ждалъ разсвѣта.

- Вставай, дежурнай! Надзираатель, вставай! Пора по
камарашъ, дежурнай! глухо говорить кто-то вблизи меня
и стучать.

Звонать къ повѣркѣ.

Старшій, время клютали, проходить въ соседнюю кашеру.

9. Тухлыми ногами слушаю, какъ плачетъ сердце Твое, силь-
ное сердце.

И не знаю, гдѣ Ты теперь, и куда глядятъ глаза Твои без-
брежные, туманно-безфонные, я вижу Тебя, вижу лицо Твое
въ меркнущей, перемѣнной игрѣ изгибовъ, извивовъ, улыбокъ.

О гдѣ же Ты плачешь, потому лаской, поцѣлуемъ зву-
та? слезы Твои въ сердце моешь?

Что вспоминаешь, о гдѣ такъ тоскуешь?

И передо мною проходятъ мои дни и часы, и каждый изъ
нихъ идетъ краснымъ, горящимъ слѣдомъ, и каждый слѣдъ
горитъ и дышитъ.

Вся тайная слезы, что росой играютъ на моей души и
никогда, никогда не прольются на землю, — ихъ собираю.

Вихри, вы кружитесь тамъ, за стѣною, злые и темные, васъ
я зову, возьмите цветы, эти жемчужины, положите у ногъ
красоты!...

Тишина бездѣль, кругомъ тишина.

Окно въ вышнюю льду, и какое небо мнѣ покрываетъ
- не знаю я.

Но ты прикасаешься, выханіе твое - вздохъ любви - оди-
чаетъ меня, и изъ желаній моихъ смерть улетаетъ...

Быть можетъ, фавно ужъ истлѣли, истерты все краски,
иные цветы распахнулись.

И куда глядятъ глаза твои безбрежные, туманно без-
донные, где ты теперь?

10. Кипятъ, летятъ мои мысли, бездушныя мысли, какъ кровь
у убійцы, какъ улыбка зѣва, какъ зовъ соблазна

Кипятъ и жгутъ, рождаются и жгутъ.

Изъ земли выходятъ призраки гибели, и гаснетъ солнце
и меркнутъ звѣзды.

Толчоватое сіяніе, какъ влчмазъ молитва, скользитъ во-
кругъ него.

Застигнутое мракомъ внезапной ночи, какъ тысяча
столкнувшихся потоковъ, реветъ людское горе, и стѣны пила-
ми скрипятъ, рвутъ струны веселыхъ пѣсень.

Океаны выходятъ изъ своихъ оковъ зеленыхъ и летятъ
по высокимъ скалиамъ въ пещеры.

Блеснула молнія.

И косы острыя огней, какъ ливень, льются и косятъ землю.

А призракъ властно глядитъ на ужаль людской надежды,
людскихъ желаній....

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Все также тихо, все также блочно.

Огни погасли.

Цуфовище съ щекани мглистыми, съ огани бездны скреести-
ло ружи, уста солжнуло...

Жизнь - лална стара - бросаетъ мутный свѣтъ ко мнѣ
на зрѣбѣ.

Все также день и ночь въ тупомъ страданьи...

И сцорожно э гущаю о звездахъ, что улетаютъ фаль-
ше, выше.

11. Свѣтлая, лѣтная ночь.

Палы созрѣваютъ плоды, облетаютъ цветы, трава
колосится.

Мѣсяцъ выходитъ красный, налитый истомай, и зар-
ницы, шмырѣя, колышатъ ароматы луговъ.

Цѣть замлѣтныхъ, звезды смотрятъ на землю серебря-
тыя, тисыя.

Тяло-то поютъ, глѣхо лаетъ собака.

Звѣчки, вливалсь въ окно, въ тую розы жмѣтсь къ гущѣ.

Быть тасы.

Пѣсня чходитъ, пѣсня далеко...

Какъ холодно, тихо, какъ мертвоенно тихо!

Только лалпобий свѣтъ, какъ грядущая смерть, со мною
живетъ.

Тихо, все тише, тише.

Слышу время стѣжитъ, улетаетъ.

Толось желаній слабѣетъ.

Вспоминаю...

Время сильнѣй застѣвало, безпокойно, нестройно.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Лепестки весеннего цвѣта садовъ окропляютъ меня, зовутъ, о любви говорятъ, красота.

Варуга герньютъ, сжимаются, пылью несутся.

Слышу, время стучитъ, летаетъ.

Окровавленные руки, нѣжно обнишав, целуютъ невинное тепло малютки.

Синяя глыба полярныхъ льдовъ шумно врывается въ праздникъ южнаго моря.

Урыдаетъ душа, тихо рыдаетъ, какъ нѣмое, затѣенное зоре.

А на кладбищѣ въ бѣгъ часовъ кости стѣгаютъ и колосятся...

12. Ты пришла, Ты стоишь на порогахъ.

Ця смотрю на Тебя, не отрываюсь смотрю.

Какъ роскошны заманчивы Твои улыбки и плъкнители на губахъ Твоихъ, увидалъ иммортеляши!

Это - сердце Твое, алыаненное подъ лепестками нѣжныхъ цвѣтовъ, напываетъ меня пѣсню о солнцѣ.

Невидимкой скользятъ Твои легкія ноги, тожно звуки чтреннихъ зорь.

Весь глазятъ на Тебя, жаждутъ прикоснуться къ разсыпавшейся волни волосъ Твоихъ и бльгуть, безумно губятъ, убивая за Те слезинку, что, скачиваясь съ фылящихъ ресницъ Твоихъ, манитъ, сцмлитъ.

Ты пришла, Ты стоишь на порогахъ.

Ты, чистая, вьогно тайная, Ты весна зимнихъ сновъ, взгляни ко мне, даи любви Твоей!

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Въ плъну.

И.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Неушолимый рокъ, огонь всевластный, опусти скорый свой
метъ, скорый спали меня!

Я трепещу, я цвѣдаю въ желантѣхъ узнать твой взоръ.

Въ тревогу слушаю, въ тоску слѣжу, стараюсь пони-
мать невнятный голосъ моей души и шепотъ капель
дождевыхъ и стонъ деревьевъ.

Ты долго велъ меня, твои руки такъ тѣсто раскры-
вала зрѣвъ и разрывала сердце мнѣ.

Во снѣ являлся ты и говорилъ о тайнахъ...

И видѣлъ я тебя на терномъ камнѣ въ раскаленно-
красныхъ облакахъ съ безжалостной улыбкой, полной
звѣсти, ты звалъ меня, манилъ съ собой.

Теперь, когда я подошелъ къ невѣдомой пустынѣ, и
передо мною страшный блескъ бросаютъ звѣзды,
я жгучу, я жгучу.

Ты снова являлся, ты знаешь все, всю жизнь мою.

О рокъ неушолимый, огонь всевластный, опусти ско-
рый свой метъ, спали меня!

I.
 Probaunt.

1. Зашипели, обнажась, шашки конвойных, раздалась трюмная команда, и все пошло, торопясь и звеня, торопясь и перегоняя друг друга.

И я чувствую все, что было и что таится в мутных огертаніях грядущаго.

На мгновенье тьма осветилась, и ясно стало, как полдень.

Ледяныя руки обняли меня, и ледя жегъ мое сердце, и я проклиналъ голытька и, проклиная, падалъ презъ нихъ..

Я стою, прижавшись лицомъ къ холодной, ржавой рѣшеткѣ окна: мимо проходятъ люди, фонари напряженно горятъ.

Свистки, трески, шипяіе паръ звугатъ отзвѣтливо и резко, хотѣтъ сказать о темъ-то, напомнитъ.

И я хочу собрать все мои мысли, найти слова...

Но польза мигтѣ, шипѣ и колыханьѣ, мигтѣ въ глухую ночь и темноту.

2. Открыты окна.

За вагономъ летитъ солнце, блестящее и еще холодное, а лица бьются о рѣшетки, оставляя стрѣй, цыпаный мельчайшими блестящими налетъ.

Мелькаютъ сонныя полъ высокаго, желтаго хлѣба.

Вагонъ просыпается: сопатъ, кашлятъ, плюютъ, выходятъ и приходятъ, катаясь, цѣпляясь за ноги.

- Осенью-то пхать и недоживешь! говорить сморщенна старушенка, пережевывая корку.

- Чего не доживешь-то, тридцать годовь хожу во всю времена года - живь, цыль и невредимь! отзывается старик Ашка.

Он важно пветъ чай, со вкусом присасывая сахар. Блпал оправа его отковы приросла къ носу и переходитъ въ длинную блпую бороду, позеленувшую у губъ.

- Молодому куда еще, а мнѣ на седьмой-то десятокъ, Тосподи, всю-то разломилло...

Заплакали дыти, поднялись бабы, заорали.

Когда же немного притихло, послышался подъ стукъ колесъ голосъ Ашки; онъ роется въ своемъ мѣшкѣ и чхмыляется.

- Книжки, вотъ эти, получили я отъ самого господина начальника. Проповѣдникъ былъ, агличанинъ. Эда... „Познаніе, говорить, усмирить гувство твое и освободитъ отъ него.“ Лучше бы, сукинь-котъ, отъ тюрьмы освободилъ! А то „кандалы въ дыши тѣ желе вашихъ!“ Попробывала бы этакая пизалица наши-то поносить, да мо что агличанинъ!

- Одно развлечение, а то и слушать ихъ незего! глухо отбываетъ сосыкъ Ашки, высокій, сухощавый съ темнымъ лицомъ подвижника.

- Да и безъ проповѣдниковъ сами знаешь, покойный Державинъ сказаль: „бучь и въ добрь и зль великъ!“ Такъ-то! А то агличанинъ!

- Спи ты, чего поднялась! скала зубы, угговариваетъ конвойный молодому арестантку, поднаживаясь и заигрываетъ-та пишуть.

Барахтаются, ругаются.

- И приятно, любо ходить лишь, и хожу. А сколько я этого народу на своей вьюке обмануль, родного брата надуль!...

Хихикають, старуха стонет, кто-то немилосердно гешется и злбаётъ.

Ашка повлествуетъ свои флинныя, запутанныя похонженія.

Становится душно; пепельно-желтый табачный дымы широкой и густой полосой тлнётся отъ двери до двери.

Къ арестанткѣ пристають и задирають.

Кто-то Запль.

- Дфа, слышится голосъ Ашки, и живу такъ, прѣ-
ятно, хорошо лишь, одно - усталъ, тѣло болитъ, да и
вино убавляю.

И все сливается въ какое-то журижанье тупое, хри-
пое.

Хотелъ туда, на эти поля, дальше, дальше отсюда.

И съ болью вспоминается другое.

Скоро станція; конвойные собираютьъ тайники;
спорятъ, звызуются.

Пальца остановился.

Пассажиры и публика, прогуливаясь по платформѣ,
присливо и любопытно заглядываютъ въ окна.

Къ ветеру бцдешь на этапъ.

3. Сливаются мутныя спорыя туги съ Турецкой стѣной.
Все расплывается, дремлетъ и въ безрѣзномъ снѣ меркнетъ.
Только мысль, возбужденная волею, поднялась и пошла,

въ лихъ краскахъ огни зажигда. *когда-то*
 Пль, тви образы ласкала, Любилася душа, оживаютъ...
 Слышемъ стучь и кипише крови; губы горьгиз шеп-
 чутъ; страстные вздохи, пылаз, нльмлютъ.

Но тви не увидишь, не пройдешь къ нимъ, только
 можешь слюдишь издалека, распалась близостью при-
 раковъ, го пльвуть по стьнь и по тугамъ, жгутъ и мол-
 чатъ.

Пусть бы мысли задули, пусть бы крьпость холод-
 ныхъ стьнь убавкала ихъ:

Но безпокойназ греза, рыдал, не меркнетъ; образы
 зрге пышнпш расцвѣтають.

И, обезсилъ въ, душа цъленлетъ ать жажды.

У. Попозъ зремить, буря со свистомъ догоняетъ его и желвз-
 ную грьню бьетъ о крышу.

Дождикъ стучитъ, капли слезами текутъ по стеклу.

И сердце тихо забилоь, словно вся эта нозь дождливаз,
 бурная, весь этотъ ужасъ и мракъ грозюю, бьдой наступаютъ.

И сердце тихо забилоь, робкое сердце — пугливаз пуг-
 ка подъ крьльями хищника.

То оно видголо, о темъ ему дождикъ стучало — не сказа-
 ло оно.

Долгаз нозь...

Бльнныз души безсилъ; драгоцѣнность погрьльнннз; клазь,
 гдь скриваются змльи; далъ бездолънннз...

Попозъ зремить.

Дождикъ стучитъ, капли слезами текутъ по стеклу.....

Разсвьтаетъ.

Торопясь с колокольнями, тупцами, омытыми дождями, мелькает.

Остановился поезда.

Выводит на платформу, и я иду медленно за длинной, сырой, широкой стальной арестантов.

Щель, крики, безжизненные экипажей, колокольчики конюх, благовест и скорбный, переливчатый звон кандаль.

Ведут в башню.

5. В маленькое башенное окно с зубчатой решеткой глядит ярко-голубая звезда.

Одна она глядит в глубокую ночь с герцаговеба.

Старая башня странно и темно бурмочет.

Мыши монотонно скребутся.

Я вспоминаю забытую, выгнутую сказку о птице, залетевшей когда-то на землю с небесного моря, где она плыла в разрыванной туче, блистала в разсветах, играла в лучах...

Небесная птица в клетку желтой.

Ноги и дни в безпросветной неволе проходить.

Крылья завяли; затомились, заплаканы песни.

Как-то в осеннюю ночь так тосковала она, так вспоминала.

И с доблю молитвы вздыхались из жаркого сердца...

И прутья, звеня, содрогнулись, и небесной вольной туче раскрыло, и полетела птица.

О, как тосковали, изнемогали ее желанья!

Серебряные нити, что звезды ночью бросают к людям, ее обняли, и дынные покровы над спящими солнцем затре-

пелаги.

Но вьтерь, герный вьтерь залпоз чыло, вьстрьга кры-
ль.

Отнцлась птица.

И фолго, фолго въ раздцшь скрытомь она молгала, жд-
ла, зрцстидл....

Тяь нынь птица: на небо ль вольномь или тмцтсь?
- Никто не знает.

Такъ, вспоминая сказку, я содрогнулся.

- Волз, волз, стонало что-то, слетай ко мнѣ, хотя
на мизь обманнымь сновидгнѣемь слетай, бери мои
вь слезы, изь нихь слзгзють люди пьси и возрви-
ззють новыи ковтеги оть смерти и потоповь!

в. Въ камерь „Куб. соф. возр. 7 с. Пар.“, я лежy въ каме-
рь на высокомь болвнизномь тьюфакь.

Лампа горить.

Какая чрорлива, гигантская тьмь, мал тьмь!

На рыкь пароходь реветь.

Пищить вентиляция, тькаютъ гасы въ корридорь.

Изь цгла крадцтсь фвь тонкѣ тьни, улыбаютсь и улыбокю
двбзть мнѣ мозль.

Не надо, не надо такъ!

Кто-то подбьгаеть къ двери и шептеть...

Зачьмь это онь, зачьмь сказаць?

Лампа взрзгиваеть, тьшанцтсь; тьи-то костля вые
пальцы пухзють въ нось вату....

Надъ головою стццаетсь тьшное пьтно.

Упадеть, оно упадеть на мнѣ, и я солвьсь съ мнѣ!

- Кто там? Кто стучится?
- Терпенье, ... терпенье, ...
Жужжить муха долго, непрерывно.
Поешь, ты поешь?
- А не могу, не могу...
- Да, да, да, да! весело слышется гасы.
- Высший подвиг в терпенье и любви!
Затворите форточку!
Как холодно, в больницу и холодно! Затворите!
На желтой грязной стене копошатся красноватые живые пятна.
Здесь пахнет имъ гость людей!
Огни мелькают напряженные, зркие.
Люди бьются, бьются...
Тяжело это? Кто?
Что вам надо от меня?
Вась всяк, всяк, всяк чубить!
Земля стонет красной, красной от крови вашей.
Как неавижичь я вась!
Да, завтра, завтра...
- Ты в роты идешь, разговариваешь, снимаешь гучки! кричишь
надтреснутым хрипловатым голосом конвойного, колкие цыби касаются
щеки.
- А-ах! а-а-а!... роты, роты... Ты... ты!
Распахивается форточка.
Ты-то когтистые пальцы пихают в нос вату.
К двери подходит, шлепая валенками, надзираетелъ.
Не чйчу, не чйчу!
- Уйчу... чйчу... у-у! у-у!
- В терпенье и любви!
Форточка хлопаетъ.

Лампа мигаетъ.

Вдругъ пламя заколебалось и потыжало изъ камеры.

Что, ужелое наваливается на все тепло и расстеть, и холода и зря...

7. Вечерняя тоска вошла въ тюрьму.

Взадъ и впередъ, забываясь себѣ, ходить вьлвиз тьни.

На рюкь пархождъ реветъ.

Уйти куда-нибудь, не видя въ этихъ водлннсто-желтыхъ стѣнахъ,
не слышать шепота тишины, не дбншатъ холода въ кипител, из-
рытыхъ отгаднелъ!

Изъ окна идетъ сонный, меркнувший свѣтъ.

Вспоминаю...

Слышу, въ мертвыхъ стврыхъ камняхъ бьется жизнь.

И люблю я ее, и мучаюсь, люблю ее!

Разбиваются камни, осколки звенятъ.

Взадъ и впередъ, забываясь себѣ, ходить вьлвиз тьни.

Безсилныя мысли жмутся къ окну.

Плывутъ безразличныя тусклыя фразы, воздухъ вбнраютъ
и безсонною ногою на фцщ пожатся, какъ снего на запозда-
лыи осенний цвѣтакъ.

8. Стою на трапъ.

Толчбеть ногу далеко и широко надъ рюкю.

Свѣтлая ночь... И зато я люблю Тебѣ, такъ люблю.... "

Вспоминаннть идетъ, повторяясь, сливался.

А посещъ широкоиъ зцствнлмъ клюгелмъ ладаетъ въ воду, и
взалуцки бьцтмъ золотымъ, фрозмачнмъ стрччкн и, нагоннмъ дрччмъ
дрччд, извнвуются лентой.

Вперед — заброшенное, что-то суровое, забытое, неприятное...

Легкий ветер, едва шелестя, воздуха, фаносит глыбы.

И гудит, что-то тоскливое в этих полупешотках голубящей ноги.

— На лавой, куда правили, на лавой паршивая! вфрцэ зафри-галъ командиръ

— а — ах! отвѣтили съ баржи.

— На лавой, коли надо прими галку, а то отходи, поверни голь еще!

— а — ах! отвлагаютъ съ баржи.

Медленно, спокойно плыветъ рѣка, только ч колеса встаютъ герныз волмы и, откатывалсь, бьются о берегъ и вхлипываютъ.

Пароходъ сопитъ и пыхтитъ; изъ трубы вылетаютъ красныя искры — крылатыя рыбки — и расплываготся, таютъ.

«Ты не мни, Ты фрцгиль посылаешъ покой...» И такъ вфрцэ хогетсь большихъ — большихъ звуковъ и много света...

— На правой, вперед!

— Деветъ, де-сетъ! отвлагаютъ съ носа.

Протѣжно и гудко запль пароходъ; вздрогнулъ лѣсъ, вздрогнули берега и пустыи свои перелетныя откликни на его зовъ.

Что-то страшное вошло въ нозь и принялось давить и тоснить зрцрб.

Дальше, казалось, не было жизни, и эти лѣса въковые, суровые не видѣли тропь, не слышали геловтъвъго голоса.

Замелькали озоньки пристани.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН ³⁰

Взплъху.

III.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

За глухіе вѣтры, въ царство улыбающейся тѣмы, въ царство бѣлыхъ ногей прилетай сюда, и въ ледяныя горы несуть тебѣ вихри на снѣжныхъ корабляхъ.

Отдернется завѣса шумовъ, и крикъ громада вырвется изъ грѣхи твоей, и полетятъ запыхавшимися тугами желанія твои.

Выше, выше! воскликнетъ осужденный на таяніе зовъ, и духъ твой, раздвигая сердце свое, понесется дальше къ миражамъ выжженныхъ водъ.

Окаменлыми лентами ползутъ къ вершинамъ некогда горюге ключи, и въ глубину катятся глухо слезныя волны.

Метель продужается...

Слышишь шепотъ ея, ласковый шепотъ зыбей?

Она раскрываетъ свою ледяную грѣбу, и пылающія зубы твои, обожженные энгушми диханіемъ, замерзаютъ.

Ты протыкаешь руки мертвому холоду ноги и падаешь, срываешь со скользкихъ утесовъ.

А ледяные осколки трещатъ и хохотутъ, хохотутъ во слѣдъ тебѣ, всей жизни, всей землѣ...

За глухіе вѣтры, въ царство улыбающейся тѣмы, въ царство бѣлыхъ ногей прилетай, прилетай!

1. Пелена изъ зари и зноя, вздрагивая и разбивая огни, падает.
 Еще видны растенія, пышащія жаромъ и полыхающія, съ острыми, зазубренными зелеными листьями; изъ поплывавшихъ вьгнчиковъ бьется тускло-серебрянымъ ключемъ горячая пана.

Слѣпыя пыльиыя бабочки, уродливыи гудовищамъ перелетая тѣжело и неровно съ лѣста на шѣсто, зудятъ.
 И крылатый, мягко-звенящій воздухъ, голубой стрелкой выпархивая изъ огней, дрожитъ и вьсѣзъ передъ пеленой, вьдыхая помирающее пламя, мѣлу и ароматы.

Пелена падаетъ.

Длинные жельзные пальцы тѣнутся къ ней, хватаютъ за ея концы, и пелена застываетъ.

Быстро одна за другою падаютъ новыя въ колючихъ иглахъ, жесткихъ и хрупкихъ листьяхъ, въ пучкахъ облетѣвшихъ цвѣтовъ.

Смеркается.

Видно изъ окна мѣткую рыбку, тожно вся она выложена рыбьей гешчей, и берега сизые, тѣжело-задумчивые.

Ночь идетъ, вколачиваетъ золотые звезды къ непривѣтливому небу; и горятъ они, раскаляясь погъ чарамъ, глубоко проходя въ мою душу.

Жметъ сердце въ тревогу, вздрагиваетъ.

И летаютъ туда герезъ горы, пески...

Стучитъ ногъ, вколачиваетъ звезды.

Незамѣтно къ сердцу подходятъ ихъ острия.

Варца прикасаются, пронзаютъ, и оно обливается кровью...

Холодно, звезды горятъ; вся рыбка въ неподвижныхъ, туман-

Нихъ судахъ, берега расплылись.

2. Снегомъ заносить.

Рвется въ поглыбшїя окна метель, въ крышу стучится.

А вѣтра еще жилья василекъ, жали ромъ, рѣки разливалась

Коврами.

Въ одну ногу!

Стынитея сподя рѣки, судорожно плещутъ волны.

Слушаешь молча, жмешься отъ холода.

Ногъ ужъ фароги, везаю смерть, всюду слышь.

Погребаютъ, поютъ надъ тобой...

Выходи - выходи!

Будешь ногъ и утонешь, въ волны, въ волны утонешь!

У васъ ногъ тепла! У васъ свѣтъ ногъ!

Зарясь огонь! Жизнь горитъ! и, пылаю, блюснѣжнаю,
вѣтисъ безъ сна, расплывшисъ, безумнаю!

Выходи - выходи - выходи!

Утонешь въ льдяномъ, въ блѣдномъ огнѣ!

Всѣ, кто летаетъ, всѣ собирайтесь, всѣ обнимайтесь и уми-
шитея далеко-далеко-далеко!

Выходи!

Никто не увидитъ! Никто не узнаетъ!

Снегомъ засыплю, вѣтромъ развѣю, задушу! поцѣлу-
ешь холоднымъ моимъ задушу!

Выходи!

Не надо - не надо!

Песню спую!....

Поздно - поздно!

Спую?!

3. Шишина, какъ въ могиль ногью, въ глубокой, промерзшей мо-
гиль.

Небо горное, отъ гистаго снѣга горный.

Свѣчка горитъ одимокъ, безшумно.

Разспались мысли, задохнулись.

Низего мнѣ не надо, я низего не прошу...

То-то живеть, все кругомъ наполнивъ невнятнымъ жу-жу-маньбелѣ.

Это - время цвѣтъ, равнодушное не ждетъ оно, нѣтъ ещѣ
глад, то кто-то гутко бичмаетъ ещѣ.

Шишина...

Шишина, какъ ногью въ глубокой, промерзшей могиль.

4. Пой вѣтеръ, пой!

Ты - старшій вѣтеръ, ты холодилъ эшафоты и теплые
пруды сѣдилъ и темнилъ и кригалъ, ты трепеталъ на листь-
яхъ запретнаго древа...

Вѣтеръ запелъ.

Долго вылъ, вывопилъ, баянкамъ гущу; рассказывалъ,
сколько царствъ облетѣлъ, гдѣ стожилъ дворцы, море кипѣло,
имена называлъ непонятныя, странныя.

Вѣтеръ, а жизнь?

Пропой мнѣ, стоить ли жить?

Вѣтеръ замолкъ.

Встрепенулась гуща: вѣтеръ скажетъ, вѣтеръ - ста-
ршій, онъ много-много леталъ.

а-а-ахъ! вѣтеръ отъвилъ, рванулся въ окно и въ
поле члгала.

Злился летѣлъ, все свои пѣсни поетъ и, рыдалъ, хохотѣлъ.

5. Здравствуй сорока!

Окна прилетела?

Побольла твой переодникъ, словно прилила къ нему слеза.

Что, сорока, мерзнешь, тоскуешь о лесе?

Подъ ложила окноль не найти тепла...

Сорока, фронцишь ты?

Срзгьсь подь крышу, тамь дождешся тепла, — я нигего не могу тебе дать.

Ты вьрь давню туть, привыкла; весною, туть солнце при- зреть, ты ожн вьдешь.

Сорока, скажи мнѣ, какъ ты выносишь морозы, нацги, какъ дятлей своихъ учишь...

Сорока, я замерзаю!

Нигего не сказала сорока, вьпорхнула изъ окна улетьла.

6. Зеленоватая ночь туманная, въ колеблющихся тучахъ.

Все растало, замерло; ни звука, ни голоса, — но все жи- веть, завланным зеленоватымъ свѣтомъ.

Пройдетъ вьгнотъ, и нигто не шелохнется, нигто не по- дастъ голоса.

Хочешь дцмать.

Безшумно наклоняясь, проходатъ мысли, роень налетаютъ и падаютъ, сливаясь перьдъ тайной вьгноты; и то, чего еще недавно такъ сильно ждала, отступается, терзается...

Безлокойно идетъ сквозь окна зеленоватый свѣтъ, идетъ и проникаетъ въ дущу, тьснить ее.

Не смерть, — нить смерти въ этой ноци, — туть жизнь пофьбенная, жизнь въ ядовитыхъ тканяхъ.

Медленно впитывается отравда, медленно тогитъ

Зеленоватый светъ, и угасае, въ тревогъ везрѣ, везрѣ видитъ
душа молчаливую, тайную вѣгность.

7. Мутный възоръ обнищаетъ душа безъ конца распро-
стертые въ тучахъ глѣбкіе снѣга.

Снѣгъ идетъ.

А гдѣ-то далеко возвратились сегодня жаворонки;
скоро залветъ ихъ пѣснѣ, зафрозитъ въ голубошь, теп-
ломъ въздуху надъ зелеными нивами.

Негдѣ останоить взора, негдѣ възволновать тиши-
ну, муть разогнаѣть, ледъ разбитъ... вѣгный ледъ.

Душа такъ страстно, такъ нетерпѣливо хогетъ
туча чѣти, гдѣ гуть фышетъ талый снѣгъ...

Пога сердцемъ костри разжигаютъ.

Мутный взоръ все глѣдитъ, все глѣдитъ на глѣбкіи,
безко негный снѣгъ.

Снѣгъ идетъ.

8. На крыльцѣ въ блѣдномъ тающемъ светѣ виситъ
темная, длинная тѣнь.

Исплещъ легкій и острый въ вѣнцѣ золотыхъ лепестковъ.

Сколько звѣздъ тамъ глѣтыхъ, сіющихъ!

Тѣжелая герназъ туча - вѣстница теплыхъ дней, - какъ
свѣта сашка, но лѣсу раскинулась, спитъ.

Деревья, бѣтъ можетъ ушершитъ долгой зимою, гуть вѣтно
скрипятъ.

И въ такую морозную полночь вѣрцѣ раздается пере-
ликъ пѣтучковъ, и кажется, солнце сіетъ, и радостно при-

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

заает сердце, тожно ребенокъ, тожно глупый, малыиъ звирокъ.

9. Уйти въ глѣбъ пробуждающейя земли, обнѣть развѣтвленныя корни и застыть, прислушиваясь къ музыкѣ звенящихъ струекъ, изливающихся на жарныя рты стѣблей и стволонъ!

Тамъ на верху благоухаютъ травы и въ зной пелы жужжатъ.

Душною ногою подъ музыку кузнекикобъ жука пролетитъ.

Дикія розы раскрываютъ лепестки, и лветъ ихъ игомлющее рычаніе подъ говоръ созрѣвающихъ пылиннокъ.

Отъ снѣжности листьѣ шелестятъ, пробуждая попки — этихъ задремавшихъ подъ снѣжныиъ сказки дѣтей съ раскрытими розовыми губками.

Уйти въ глѣбъ и слушать!

Осыпая цыбкы золотымъ дождемъ, смерть идетъ.

Замолкаетъ путь ея, и зеленые покровы земли спрыскуютъ, мѣтутся.

Она близко...

Она надъ тобой.

И ты прорываешь всю тяжесть навалившейя земли и цпылешь, обнимаешь жизнь...

А смерть оставилась, оглѣнчлась...

10. Лебеди, бѣлые лебеди!

Снова къ намъ возвращаются, незабыли...

Отъ вашего взора, отъ шелеста крылвебъ зима съ собою сбрасываетъ бѣлыя ткани.

Лебеди, помните, вы улетали, и гнал за вами снежный бурьян, и я провожал вас.

Какъ я васъ ждалъ!

Въ молчаніи медленно дни проходили, были метели, мысли собирались въ мутныхъ тучи.

Высоко, высоко летите вы!

Если бъ и мнѣ полетѣть!

Воспоминаніи хлынули, тожно пьсни изъ затененныхъ страданій.

О, эта жизнь - вѣчно зелена, вѣчно безплодна!

11. Тихая, въ испареніи льдовъ и снеговъ, затканная пучками звѣздами, ты, весенняя ночь, прими тоску мою!

Въ оутраченной землѣ уже жизни сплени кипятъ и бродятъ.

Слетаютъ стаи птицъ на пробужденныхъ озера, и въ старомъ лѣсу кричатъ ихъ голоса.

Ночь, ты слышишь, моя душа тоскуетъ

Она, какъ птица запоздавшая, измѣтаетъ снегами, весной призрачна, лежитъ въ глуши, внимая лѣсу.

Ночь, ночь, ты слышишь!

12. Теплый безоблачный полдень.

Погеревшій ледъ водой окружень.

Вотъ цѣлѣй островъ, усаженный елками, задвигался, и рыбка затрещала, застонала, словно разбередили ей застарѣлую рану.

Островъ неслышно проплылъ и застылъ, льгивый и сонный.

На откосъ высокаго берега пріютились, выглаживая

одуванчики спырые, хилые.

Первый цветонок!

Из глубины его гашетки искрится аромат; кажется, колыхается согная трава и пестрятость разноцветные цветы.

На плоту шлепают валики; гуси летят; ребятнишки на казельях кагаются.

Отрываются мелкие лодки и плывут, словно утки.

И хочется подойти, тронуть вонь того неподвижного и огромного кита, быть может, и поплывет, а с ним и вся рька.

13. Устают ли полярные вихри или рька перелетла все свои плески, и гайки устали перелетать с красных и спырых гребней бурой волны, но воть по голубоватому небу познала южный ветер, тожно на молодые луга, стадо больших туч, и гдь-то вдали глубоко прозвучал рог весны, и брызнул теплый дождь.

Зазеленела озимь, прихорашиваются тонкие стебельки травы, береск покрывается колким щитом, пьните мох, лишай бархатятся...

А глистым вегеромь зашелькали вь тучанах разноцветные огоньки и, дрожь, поплыли по спырой рьке.

Пароходь идет!

Вспомнилось, какь уходил онь воргливою осемью; казалась тогда, онь изрывался, смтался...

Пароходь реветь.

Кь берегу подплываеть длинная, дышгата, равно-

душная волна; вздрагивает и, ослабевая, плещется ка-
нетью; брызги летят...

- Работай! галку! работай! герти! кригать на трап,
и бродить съ высокими шестами длинными тьми, и въ
глубинь у колесъ это-то бороздеть.

14. Теремуха цвететъ.

Душистое ея фыханье влетаетъ въ окна.

Слоды зимы ужъ заросли травой, цветами, лу-
чи на льды узнали ея колюгій вихрь.

Вась визну, высокїа ели, вашихъ вѣтвей ѓ кас-
юсь, запахъ вфыхаетъ.

Подъ ногами мохъ хруститъ.

Шелькаетъ голубой мотылекъ, ползуть илимь-
тели.

Старые мокрые лхи фряхлѣютъ, крошатся, а рл-
долъ блестятъ молодые побѣги.

Грустно иду по знакошому льду.

Тѣкъ любилъ ѓ тебѣ, изъ окна ѓ слѣдилъ за то-
бой, подыготалъ твою непогодѣ, хворые стомы и
гудѣнье, гудѣнье.

И теперѣ грустно мнѣ...

Ты разцвѣлъ, ты живешь!

15 Она къ ноги пришла блѣдная и голодная.

Ея гнѣвный, взбѣшенный взоръ пылалъ стужено.

И она пристально посмотрѣла въ огонь лучей...

Тогда вихри задрожали, захохотали и съ воель

и съ визгомъ пустились по лугамъ, поргкю, вздымая вол-
ны, ломая сучья, цветы срывая, топта траву.

Хрустѣли кости, кляжами крови шипѣла, стопа-
ли слезы играваго въ цвѣтахъ малютки - вѣтерка.

А слышала, какъ весна, изнемогая, забарабани-
ла озлобено рѣчкой въ мое окно, какъ послѣ въ дверь
рванулась.

И тишина настала, лишь кто-то тѣжко задыхался.

Вѣруть снова дикія, долгиі, хриплый вопль...

Метель кричала, забывала, бросала небо снегом...

На утро выглянуло солнце, осветило путь зимы

Зима бѣжала быстро, быстро.

И вѣхство съ ней бѣжали ели, мелькали тѣни.

Измученныя волны старой тѣной обдавали зеленъ
береговъ.

Цвѣтѣи геркулхи изытые висюли въ снего.

Втора свистала вихрей, ржучь лошади, она -
на берегу, застигнутыя ногою снежныиъ ураганомъ.

Гдѣ птицы, что думали? А не слыкала ихъ.

И плѣтѣхи молгата.

И л. фрозала отъ стужи, вѣхала зиму, передо мною
плѣли вѣзѣи морозныя, какъ эти тѣги бѣмы.

Потомъ я мерзю, съ тоской мегтал о весню.

16. Снѣгъ падаетъ, тихо-тихо падаетъ.

Бѣлая нога, бѣлая земля.

Не видно береговъ, ни озими, ни распустившихся цвѣткѣи смо-
родины.

Рѣка стальная спитъ: ей лѣдины грезятся.

Птицы въ тревогѣ, удивленныя.

Кошары замерзли.

Птицы перелетныя, цвѣты, довергиво расплывшіе
свои албы, нѣжныя грядки, бабочки густыя, нарядныя въ
недоотрогахъ- платвицахъ, жуки, гусеницы, герваки въ ат-
ласахъ, шелку, изрѣшежныхъ панциряхъ — заглавъ прилетѣ-
ли, заглавъ проснулись?

Нѣтъ зрѣвъ долгихъ путей, вьюги одну!

Снѣгъ падаетъ, тихо-тихо падаетъ.

Я скажу о погибающихъ пьесныхъ, о гдѣли красокъ...

И одна только куклушка, мафры вальса, куклетъ, тос-
кѣ вышестъ со мной.

17. Вотъ и весна отцвѣла, уплыла.

Такъ уходитъ день за день.

Ихъ много лезнито, цвѣтыхъ погорнѣвшихи вѣтка-
чи грѣзы.

Они — тожно кладбище льса!

Видны сухіе стволы, безъ листвевы, обгорѣлыя; искрив-
ленныя пни цупраютъ тѣло въ спѣрчу земли; утопта-
ны пыльные мхи; гарь, гарь и пески.

И жизнь проходить!

Нѣтъ, только грѣзы о ней; она, цгасаю, стелется
дымою, жизнь зрѣ-то тамъ впереди.

И, бытъ можетъ, пожаръ грѣзы сожжетъ ее?

И когда потухнутъ огни — встанетъ пустошь —
-смерть.

Вотъ и весна отцвѣла, уплыла.

Жизнь — кладбище грѣзы!

18. Прощайте метели, прощайте и лесь и вихри!
 Не увижу васъ, вашего стога и холода не услышу.
 Я въ плънцу у васъ прожилъ...
 Пошны, бльодный иней лежалъ на облетевшихъ цвѣтахъ.
 Авцеть съ дождями шель по рѣкѣ, плнн воду, листьв красныя,
 желтые по дорогамъ бросалъ.

Хлѣба убирали.

Весь въ нпѣжныхъ снѣжникахъ пушистьи лигалъ сентябрь.

Рѣка цкцувалась въ ледъ.

И метели одна за другою понеслись съ пльсами, съ плагемъ.

Часто въ тревогу я спрашивалъ, звалъ...

Но вать и апрель пришелъ, глухой зромъ весну принесъ.

Трава зеленела.

Шихо въ бльыл ноги снѣгу падалъ.

Земляника цвѣтеть; рѣбится папортникъ, ворожитъ;

зньзда цустпюта, сорителъ.

Скоро снова метели завоюють...

Прощайте!

Быть можетъ, не возвращусь къ вамъ, не увижу стогого
 мха, зеленыхъ лишайевъ, не услышу васъ, вихри.

Я въ плънцу у васъ прожилъ годы, годы въ глубокѣ
 кой тоскѣ.